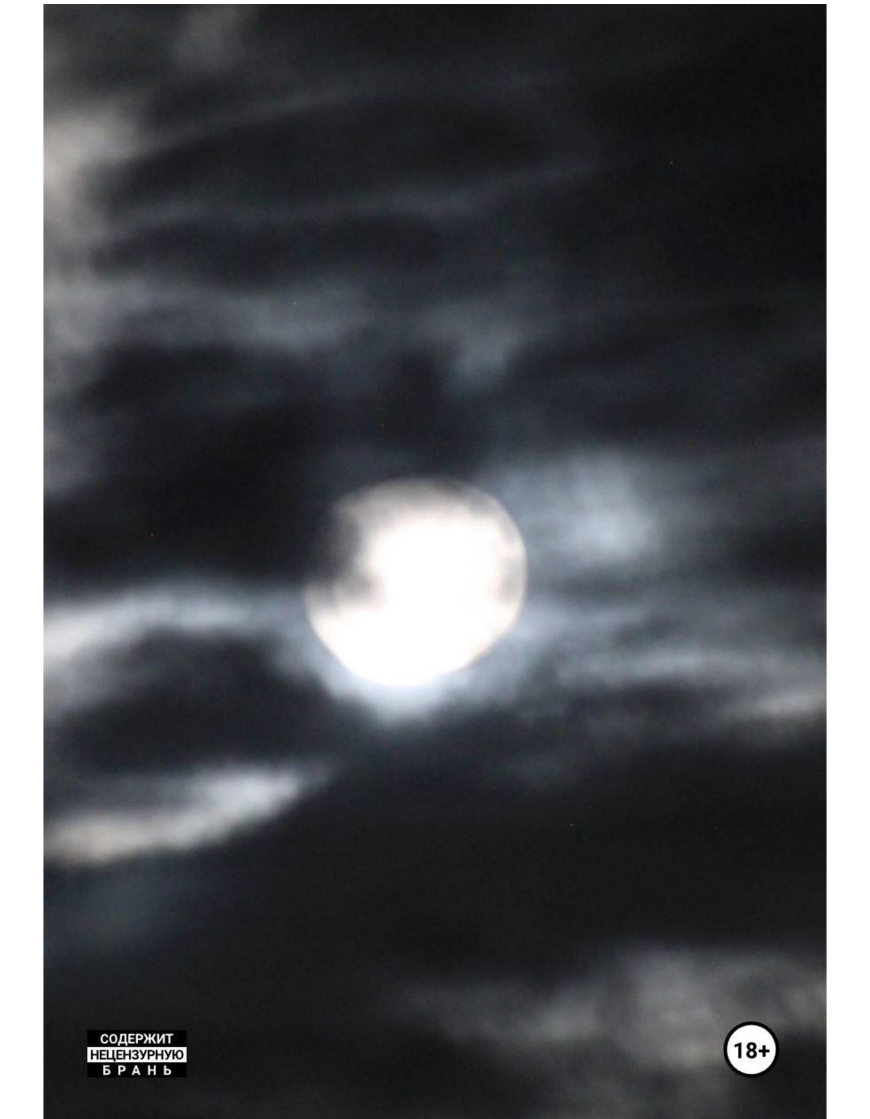

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Hiroshi Dex

Код: Неизвестность

<https://litres.ru/74612618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Никто не в курсе что происходит. Все рухнуло и люд смирился.
И нет в домах тепла, еды отсутствуют в избытке, остался только голод, холод, смрад.

Hiroshi Dex

Код: Неизвестность

Глава 1

13 июня 2030 года, 17:45
Пятиэтажка на улице Полевой

Смрад появился на третьем этаже.

Приполз из подвала. Сладковатый, приторный — до мути. Смешался с вонью мокрой штукатурки.

Кто-то сдох. Опять.

То ли бомж забрался и не вылез. То ли сосед не дошёл до квартиры.

Игорь сидел на подоконнике, между вторым и третьим этажом. Курил. Смотрел на пустую дорогу.

Затянулся. Выпустил дым в форточку.

Когда он в последний раз видел людей?

Не вспомнил.

Эти полгода выдались погаными. Да и не только у него. Мир рушился — эпидемии, войны, перестройка. Покосило многих.

Телефон на обшарпанном подоконнике молчал уже четвёртый час. Утром звонила бывшая. Взять не успел — сбросила. Когда перезвонил — гудки шли с хриплыми перебоями. Через минуту пропал интернет, за ним и связь.

Снизу хлопнула дверь.

Шаги — лёгкие, быстрые. Поднимались с остановками.

Игорь убрал руку в карман куртки. Зафиксировал рукоять — простой раскладной нож с деревянной ручкой. Слишком тупой, но если что — сгодится.

Не часто в поздний час встретишь кого..

Звук дополз до второго этажа, затих. Послышался шорох одежды, выдох.

Он ждал. Минуту. Две.

Из-за угла осторожно показалась голова.

Тощий. Долговязый. Огромная кофта, на голову надвинут капюшон. Из-под него — серые волосы, худое лицо в тёмных пятнах.

На шее аккумулятор — на ремне. С солнечной панелью. Провода тянутся к карману. В руках — подобие проволочной антенны.

Посмотрели друг на друга, потупили взгляд.

С ним Игорь, не знаком.

Сколько жил здесь — редко видел. Может, сын чей? Хотя после случая с кражей, родители старались своих из дому не выпускать. Про школу и детские сады и подавно забыли как года три. Никто не хочет свое чадо увидеть разобранном посреди дороги.

— Здравствуйте. — поздоровался. Вежливый. Разглядывал без стеснения. Глаза того бегали с бешеной оценкой, цепляясь за шнурки, карманы, пятна на одежде.

На секунду прошибло. Адреналин заставил мышцы сжаться. Спину закололо. Под грудной клеткой тяжело сжался ком.

— Здрасьте. — сухо выдавил Игорь.

Парень отвёл взгляд. Перехватил антенну поудобней — оттянул рукав кофты.

Прошёл мимо нарочно спокойно, но под конец чуть не споткнувшись, ускорился. Все шуганные.

Вслед за ним потянул шлейф гари и уличной кислятины.

За окном тянуло тучи, ветер зашелестел в ветках редких деревьев, срывая усохшие листья.

Нужно пройтись.

Он спустился вниз, переступая через мусор на бетоне. Вышел на крыльцо подъезда. Закурил новую. С пятой попытки пустая зажигалка дала желанного огня. Пальцы начали подрагивать. Давление на улице падает.

Дождь усиливался. Небо чернело, опускаясь ниже, цепляясь за крыши.

На улице пусто.

Машин почти не осталось. По разным причинам. Кто продал. Кто в гараж спрятал. Пол района сейчас в красных точках тусуется. Там проблемы с электричеством и связью решались намного быстрее. Окраину никто не вспоминал.

Под ногами битый асфальт. В ямах вода — мутная, с разводами химии. На дне одной утонул бумажный фантик.

С детской площадки кто-то содрал железную крышу. Остался только голый каркас. Качели валялись на боку. Горка стояла, никому не нужная.

Трава под площадкой — выжжена. Чёрный круг, оплавленный пластик, спекшийся в лужу. Жгли изоляцию с проводов.

Во рту привкус — вяжущая язык смесь химии и кислоты.

Он шёл медленно. Сворачивать никуда не хотелось — да и не надо было. Как дурак, по середине дороги. Но никого

нет, можно.

В окнах горел свет. Не везде — через три, через пять. Желтоватые прямоугольники в пятиэтажках.

Экономят. Ещё на что-то надеются.

Он накинул капюшон. Дождь полил, колотя спину. Холодные капли стекали за шиворот.

Чисто. Пусто. Тихо.

Запах прибило к земле. На время, но еще можно подышать.

Ветер переменялся, потащил дождь косыми полосами. Игорь свернул во дворы — короче.

Между двумя пятиэтажками, на пяточке, где раньше сушили бельё, теперь чернело кострище. Кирпичи по кругу, запах краски. Рядом перевёрнутая тачка без колеса. Детская коляска с прогоревшим днищем.

У третьего подъезда на кортах сидел мужик, лет за сорок.

В брезентовой куртке не по размеру. Ковырялся в куче тряпья, рассортировывал. Руки без перчаток, в мазуте, двигались споро, привычно. Увидел Игоря — поднял голову, кивнул. Тот кивнул в ответ. Не останавливаясь, прошёл дальше.

Здесь знали друг друга, не по имени, так в лицо, но не лезли с разговорами. Каждый сам за себя — это оформилось в правило не сразу, но теперь держалось крепко.

Игорь прикинул список дел. Воды набрать — у колонки во дворе напор падал к вечеру, но это уже завтра с утра. Спички ещё есть, а вот соль почти кончилась. Можно к Сергеев-не с третьего подъезда зайти, но та просто так не даёт — попросит что-нибудь взамен. В прошлый раз просила помочь с дверью, сорвало петли после того, как пытались вскрыть. Вдвоём с соседом навесили, а она всё равно недовольна осталась — " Там щель осталась, дует".

За спиной хрустнуло.

Игорь остановился. Не сразу обернулся — выждал пару секунд, чтобы понять: случайность или повтор.

Повторилось. Шаг, ещё шаг. Кто-то шёл следом, не скрываясь, но и не приближаясь.

Он обернулся.

Девушка. Лет двадцать с небольшим. Стояла метрах в семи. Мокрая толстовка облепила плечи. Тёмные волосы слиплись, вода текла по лицу. Обувь — кеды, правый порван у носка, видно палец. Руки за спиной. Смотрела прямо, не отводила взгляда.

— Есть закурить?

Голос глухой, будто из-под одеяла.

Игорь выдохнул. Пачка в кармане почти полная — он курил редко, экономил. Но отказывать без причины себе дороже: люди здесь запоминали отказы всегда.

Он достал пачку, вытряхнул одну, протянул. Девушка подошла ближе. Нагнулась к щелкнувшей зажигалке, затянулась. От неё пахло сырой шерстью и сладковатым, аптечным.

— Ты с какого района? — спросила вдруг.

— Полевая. Здесь, пятый дом.

— А я с Заречной. Там свет дали.

— Давно? — интереса не скрыл.

— Утром. До обеда работал. Потом опять вырубили.

Игорь кивнул. Вспомнил, что утром в телефоне мелькнуло уведомление от старого роутера — на секунду появилась сеть, потом пропала.

— Ты идёшь куда-то или так? — она выдохнула дым в сторону.

— Так.

— Можно с тобой? Одной ходить тут... — не договорила, пожала плечами.

Он пожал плечами в ответ. Пошли вместе.

Девушка шла чуть позади, сбоку. Молчали. Игорь не спрашивал, зачем ей одной ходить по районам вечером, под дождём. У каждого своя причина. Может, батареи сдохли — ищет зарядку. Может, дома есть нечего — вышла, надеясь наткнуться на что-то. А может, просто не сиделось. Тишина четырёх стен иногда давит сильнее страха подохнуть на улице. Сосед по подъезду, так психанул прошлой зимой, в окно вышел. Только сугроб уберег.

У арки, ведущей к магазину, стояла машина. Старый седан, лобовое в трещинах, колёса спущены. На капоте сидел мальчишка лет десяти, накрывшись куском полиэтилена. Увидел взрослых — спрыгнул, отбежал вглубь двора. Недалеко — к качелям, что ещё держались на одной цепи.

Игорь проводил его взглядом. Раньше, до всего, он бы спросил, где родители, почему в таком виде, и почему один на улице в такое время. Теперь такие вопросы не задавали. Родители, если живы, либо на работе, которой нет, либо дома, без сознания после очередной самодельной выпивки. А пацан сам справляется. Многие справлялись.

Девушка затушила окурок о мокрый асфальт, сунула в карман. Не бросала — пригодится, табак можно распотрошить на новую самокрутку.

— Меня Катя зовут, — сказала вдруг.

— Игорь.

У перекрёстка, где раньше висела камера (сняли ещё зимой, вместе с проводами), на дороге лежал труп птицы. Голубь или галка — не разобрать, размок, превратился в ком перьев. Катя перешагнула, не глядя.

Запах снова поднимался — на этот раз не кислятина, а слабый душок с водостока. Канализация постепенно забивалась без обслуживания, и после дождя вытекало. Все привыкли. Нос адаптировался.

Катя вдруг остановилась.

— Слышишь?

Он прислушался. Сначала только дождь и ветер. Потом различил — далеко, на грани слышимости, ритмичный стук. Похожий на генератор. Где-то в районе бывшей стройки.

— У кого-то есть топливо.

— Или подключились к чужому, — добавила она.

Вариант с "чужим" звучал правдивее. За топливом надо было ехать на трассу, там бартер, цены, риск. Те, у кого был генератор, чаще всего отбивали его у других. Здесь давно не работала полиция — участок закрыли ещё в марте, когда ушли последние сотрудники. Не то уехали в область, не то просто перестали выходить. Участкового Саныча видели последний раз, когда он менял форму на гражданскую одежду и садился в автобус с женой и чемоданом. Так и осталось.

— Мне туда, — Катя кивнула в сторону гаражей. — Там мой дядька живёт. В боксе.

— Проводить?

— Не надо. Справлюсь. Спасибо за сигарету.

Она развернулась и пошла. Через несколько шагов скрылась за ржавым контейнером для мусора, которого толком то и не видно под кучей пакетов ихлама.. Стук шагов растворился в шуме дождя.

Игорь постоял, подумал. Идти домой не хотелось. Там душно. Радиоприёмник шипит по всем частотам. Тишина, давит на уши. Да и холодно.

Он повернул к дому другой дорогой — через бывший сквер.

Скамейки, когда-то крашенные зелёным, теперь облупились до серого дерева. Урны выворочены. Памятник какому-то заводскому деятелю советских времён стоял без пальца и без таблички.

Пахло мокрой крапивой, что отросла под три метра, и

немного хвоей от старой ёлки, которая еще как то выжила в отличии от лип. Игорь сел на скамейку, не обращая внимания на воду. Мокро, ну и пусть.

В кармане у него пискнуло.

Телефон.

Игорь вздрогнул. Достал — на экране иконка сети, одно деление. Пропущенный звонок. Тот же номер, что и утром. Перезвонил.

"АБОНЕНТ ВЫКЛЮЧЕН ИЛИ НАХОДИТСЯ ВНЕ ЗОНЫ ДЕЙСТВИЯ СЕТИ".

Он смотрел, как иконка мигнула и снова исчезла. Связь мотает.

Некоторое время сидел, слушая, как дождь успокаивается, переходит в морось. Ветер стих. В одном из домов заглась свеча — тёплое пятно за мутным стеклом.

Игорь встал, пошёл к своему подъезду.

На ступеньках, у двери, лежал свёрток. Тряпка, перевязанная проволокой. Он остановился, огляделся — никого.

Наклонился, осторожно приподнял край. Внутри — четыре куска мыла, серого, грубого, сваренного в домашних условиях.

Игорь выпрямился. Вспомнил соседа с третьего этажа, которому неделю назад помог сдвинуть шкаф — тот жаловался, что не может сам, спина больная. Помог и забыл. Тот видимо нет.

Он поднял свёрток, отряхнул от воды. Мыло — ценная вещь, особенно сейчас.

В подъезде уже сгустилась темнота. Он поднимался медленно, держась за перила — ступеньки помнил на ощупь, каждую выбоину. На втором этаже пахло керосином — кто-то жёг лампу, экономил свечи. На площадке между вторым и третьим сидел всё тот же запах — сладковатый, но слабее. Проветрилось.

Открыл дверь, вошёл, закрылся на задвижку.

В комнате сумрак. За окном проступали очертания дома напротив — там в двух окнах горел свет. В одном двигались тени. В другом — ничего..

Снял мокрую куртку, повесил на на дверь под низ заму-

соленную тряпку. Пусть стекает.

Четвёртый час без связи. Завтра, возможно, снова дадут сеть на час. А может, нет. Нужно будет сходить к колонке, набрать воды, пока есть напор. Нужно найти соль. Нужно зарядить телефон — если будет, от чего. Нужно проверить, что с подвалом, пока запах не стал совсем невыносимым, и не расплодились крысы.

Нужно. Нужно. Нужно.

Нужно много всего.

Очень много.

Он сел на стул, положил нож на стол рядом с кружкой. Откинулся к стене. Закрыв глаза.

Дождь за окном почти стих. В тишине слышно было только далёкий стук и редкие капли, срывающиеся с крыши.